

ГЛАВА 4

«Пожалуй, он был тем человеком, который относился ко мне хуже всех на свете. Я ненавидел его, но куда больше во мне было прощения. Для юноши, не знающего, как выразить свои чувства, прощение — единственный дар».

— 7 октября 2004 года

Средняя школа Яли славилась строгой дисциплиной и закрытым режимом. Ученики, вырывавшиеся домой лишь по воскресеньям, ждали затяжных праздников вроде Дня образования КНР как манны небесной. Для первокурсников-старшеклассников целых семь дней свободы вне школьных стен казались великим освобождением, о котором слагают легенды.

К полудню тридцатого сентября школа практически опустела.

Линь Илин, впрочем, не разделял общего ликования. Если посчитать расходы на автобус до дома и обратно, выходило больше пятидесяти юаней. После той злополучной кражи он и так задолжал Сяо Яню, и позволить себе подобные траты было бы верхом безответственности.

Он позвонил матери, сообщил, что у него всё в порядке, и остался в школе. Грядущую неделю ему предстояло провести в компании сборников задач под сводами притихшей библиотеки. Линь Илин давно привык к такому ритму — идти вперёд, не поднимая головы. Одиночество давалось ему легче, чем домашние хлопоты, а в свободные минуты можно было послушать кассеты Ван Фэй. Стоило зазвучать её дивному голосу, как любая боль отступала, становясь прозрачной и невесомой.

— Мама?

Утром последнего праздничного дня Илин вздрогнул от стука в дверь. На пороге стояла та, кому полагалось сейчас быть дома — за книгой или фортепиано.

За те несколько дней, что они не виделись, мать похудела ещё сильнее. На ней было всё то же скромное, поношенное пальто тусклого цвета, но волосы она уложила очень аккуратно — видимо, изо всех сил старалась придать себе бодрый вид.

— Как ты здесь оказалась? — Линь Илин улыбнулся и отступил, пропуская её в комнату. — Хоть бы предупредила.

— Твой дядя Ван поехал в город за товаром, вот я и напросилась с ним, — негромко ответила женщина. Она поставила тяжёлую сумку на пол и огляделась. — А здесь у тебя славно.

Конечно, она не могла не заметить разницы: на столе сына лежали лишь скромные

письменные принадлежности, в то время как места его соседей ломались от компьютеров, PlayStation и дорогих лакомств. Сердце матери болезненно сжалось, но она не проронила ни слова.

Ветка метро в этот район ещё не была достроена, и путь от дома занимал не меньше трёх часов с пересадками. Значит, матери пришлось пуститься в дорогу ещё затемно. Илинёв закусил губу, подавляя комок в горле.

— Глупенький, ну иди же ко мне, дай хоть посмотрю на тебя. Дядя Ван скоро закончит с погрузкой, и мне придётся уехать.

Женщина протянула руку — всё ещё тонкую, но уже загрубевшую от работы. Илинёв послушно подошёл, стараясь улыбаться как можно естественнее.

— Мама.

— Славный мой... Осунулся. Совсем заучился?

— Да нет, не очень.

— Ты старайся. Учитель Сяо звонил, сказал, что ты метишь в лучший университет. Стань моей гордостью!

— О чём речь? — Илинёв шутливо прищурился. — Буду выбирать между Цинхуа и Пекинским, ещё подумаю, не слишком ли они просты для меня.

Мать слабо улыбнулась.

— Пару дней в городе — и уже такой острый на язык. На, попробуй. Я приготовила тебе сладкий суп из цветов османтуса. На прошлой неделе как раз собрала их.

Она протянула ему старый серебристый термос, фасон которого давно вышел из моды, и вздохнула:

— Эх, надо было купить нормальный, современный... Всё остыло.

— Холодный даже вкуснее. Спасибо, мам.

Проводив мать, Илинёв почувствовал, как на сердце легла тяжёлая тень. Его не покидало

гнетущее чувство долга перед ней — долга, который не выплатить ни в этой жизни, ни в следующей.

Он молча прибрал привезённые вещи, но вернуться к учёбе не получалось. Чтобы унять душевный разлад, он замер перед зеркалом, раз за разом перевязывая галстук. Он добивался безупречного узла, как на витрине дорогого бутика, просто чтобы занять руки и прогнать из мыслей жестокие осколки прошлого.

Дверь бесшумно распахнулась. Линь Илинь обернулся и увидел Чэнь Лу. Тот, в новёхоньком костюме и тёмных очках, вошёл с тем бесстрастным видом, который выдавал в нём пресыщенного жизнью юношу. Было ясно: молодой господин только что вернулся с очередного фешенебельного отдыха.

— Вернулся? — вежливо поздоровался Илинь.

— М-м.

— Где был на каникулах?

— В Гонконге.

— О... — Илинь попытался поддержать разговор. — Понравилось? Говорят, там есть Диснейленд.

— Скука, — Чэнь Лу швырнул рюкзак на кровать и тяжело опустился в кресло.

Он вспомнил свою мать — вечно занятую бизнес-леди, которая даже во время шоппинга не отнимала трубку от уха. Её безупречная вежливость была холоднее льда. Директор Янь не злилась, даже если узнавала, что её сын затащил какую-нибудь гонконгскую модель в отель. Её прощение всегда было безграничным, любящим и... бесконечно далёким, словно адресованным чужому человеку.

Заметив, что сожитель снова впал в меланхолию, Илинь открыл термос и протянул ему чашку с остывшим сладким супом.

— Будешь? Мама только что привезла.

Чэнь Лу чуть сдвинул очки, прищурился и брезгливо сморщился.

— Что это за бурда?

— Сладкий суп из цветов османтуса. Семена лотоса, леденцовый сахар... Это вкусно. Мама всегда готовила его мне в детстве.

В Чэнь Лу вдруг проснулась какая-то извращённая ревность — тёмная и ядовитая. Он не удержался от резкости:

— Не стану я это пить. Ты и твоя мать стоите друг друга — вечно возитесь с какой-то нищенской грязью.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать. Чэнь Лу тут же пожалел об этом, но сказанного было не вернуть.

Линь Илинь замер. Несколько секунд он стоял неподвижно, глядя в пустоту, а затем молча закрыл термос и поставил его на свой стол.

Чэнь Лу, чувствуя неловкость, попытался сменить тему:

— Пойдём пообедаем? Я угощаю.

Илинь не ответил. Он методично сложил учебники в рюкзак и заговорил:

— Если ты смотришь на меня свысока из-за того, что ты богат, а я беден — пусть так. Таков мир. Но оскорблять любовь моих близких только потому, что ты богат... Мне больше не о чем с тобой говорить. Ты не стоишь моего доброго отношения.

Чэнь Лу опешил. Он не нашёл, что ответить, и лишь смотрел в спину Линь Илиню, когда тот вышел, плотно прикрыв дверь.

Странно. Этот вечно смиренный парень вдруг взорвался, защищая своё достоинство. Он оказался куда более колючим, чем Ду Вэй, которого можно было мешать с грязью, а тот лишь ухмылялся в ответ.

«Видимо, я и вправду задел его за живое», — подумал Чэнь Лу.

Впрочем, он убеждал себя, что именно этого и хотел — чтобы Линь Илинь держался от него подальше. Одержимый странным порывом, Чэнь Лу подошёл к чужому столу, открыл термос и, подцепив пальцем каплю супа, отправил её в рот.

Вкус был едва уловимым, прохладным, с тонким ароматом трав.

«Вкус бедноты. Абсурд какой-то».

Чэнь Лу надеялся, что этот инцидент со временем сотрётся из памяти. Но Линь Илинь проявил неожиданную твёрдость. Всегда мягкий и покладистый, теперь он превратился в ледяное изваяние. Молчал на уроках, молчал на переменах, хранил гробовую тишину в общежитии. Даже сталкиваясь в узком коридоре, он проходил мимо, не удостоивая соседа даже кивком.

Дерзкий и привыкший к поклонению Чэнь Лу чувствовал себя не в своей тарелке. Его раздражала эта позиция жертвы. «Неужели он настолько обиделся? Когда у него деньги украли, он и то так не бесился. А тут — пара пустяковых замечаний».

До сознания принца никак не доходило, что для Линь Илия эти слова были куда болезненнее любой кражи. Жизнь без общения с этим «занудой» внезапно стала невыносимо пресной.

Вечером, едва прозвенел звонок с последнего урока, Линь Илинь привычно подхватил рюкзак и направился к выходу. Чэнь Лу, помедлив, захлопнул журнал и бросил Ду Вэю, который увлечённо резался в PlayStation:

— Слышь, я пошёл.

— Куда ты? Дай я хоть уровень дойду!

— Сам доигрывай, у меня дела. Бывай.

Чэнь Лу сунул телефон в карман и вышел из класса.

— Опять за какой-то девчонкой побежал? — пробормотал Ду Вэй, не поднимая глаз. — Горбатого могила исправит.

На улице уже стемнело. Октябрьский воздух колот холодом, а небо было усыпано колючими звёздами. Чэнь Лу запрыгнул на бордюр у клумбы и огляделся. Среди сотен студентов он мгновенно узнал эту фигуру.

Тонкий силуэт, безусловно прямая спина. Среди шумной толпы Линь Илинь всегда шёл особняком, словно отгородившись от мира невидимым щитом. В нём чувствовалась странная, пугающая трезвость.

Чэнь Лу вздохнул и припустил следом.

— Линь Илинь!

Тот не обернулся. Чэнь Лу пришлось повысить голос, привлекая внимание прохожих. Только тогда Илинъ остановился и смерил его безучастным взглядом.

Чэнь Лу попытался выдавить свою самую обезоруживающую улыбку:

— Пойдём в корпус вместе?

У Линь Илиня при виде этой «ангельской» маски внутри всё перевернулось от отвращения. Он молча развернулся и зашагал дальше.

Чэнь Лу поравнялся с ним, не отставая:

— Я привёз из Гонконга шоколад. Оставил у тебя на столе, попробуй.

Он помнил, как Илинъ радовался любым гостинцам от учителя Сяо, и решил, что это сработает.

Но Линь Илинъ ответил ледяным тоном:

— Спасибо. Мне это не по карману.

Он ускорил шаг, оставляя Чэнь Лу позади. Маска доброжелательности на лице принца окончательно треснула, уступив место глухой ярости. Впрочем, эта ярость была лишь тенью той бури, что захлестнула его в комнате, когда он увидел свои коробки с элитным шоколадом, раскиданные по всей кровати.

<http://bllate.org/book/17434/1662324>